

Семейные истории Тарковских

<https://oralhistory.ru/talks/orh-2100>

🗣️ 22 февраля 2017

Собеседник

Тарковская Марина Арсеньевна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 22 февраля 2017 и опубликована 30 августа 2022.

Введение

В первой беседе Марина Тарковская, дочь поэта Арсения Тарковского и сестра кинорежиссера Андрея Тарковского, рассказывает о своей родословной. Она вспоминает историю рода Тарковских, описывает их жизнь в Елисаветграде (сейчас Кропивницкий) и подробно излагает биографии дедушки Александра Карловича Тарковского и бабушки Марии Даниловны Рачковской. Во второй части беседы Марина Арсеньевна говорит о предках и родственниках по материнской линии — Вишняковых и Дубасовых.

История рода Тарковских

Марина Арсеньевна Тарковская: Значит, мы начинаем с мужской линии нашего рода, рода Тарковских. Очень много мне пришлось работать в архивах, потому что из каких-то устных рассказов и разговоров при встречах мало что можно было выудить, что-то узнать, какие-то отдельные вещи, но архив — великое дело. Я поехала в Житомир к папиной подруге юности. Оказалось, что на Украине в житомирском архиве есть фонд Тарковских. Благодаря этой моей поездке, это все было достаточно случайно, мне удалось найти очень далеких предков Тарковских. Хотя грамота о шляхетстве Тарковских 1803 года хранилась в архиве бабушки, папиной мамы, и она теперь есть у меня. С семейным архивом Тарковских тоже особая история. Сейчас ее касаться не будем, трагическая история, я бы сказала, для меня.

Здесь получилось так, что первые Тарковские из города Люблина пришли на Волынь. Волынь какое-то время принадлежала Польше, а потом, где-то в начале XVIII века... Я даты сейчас не буду уточнять, потому что это надо все вспоминать по конкретным каким-то моим записям. Потом она стала принадлежать России. Как известно, были разделы Польши, поэтому Польша Россию до сих пор не очень любит. Так вот, они жили на Волыни, а потом оказались в Житомирской губернии и жили в Житомире. Естественно, губернский город, где были все службы официальные. И так как у них была какая-то земля, то они, естественно, жили за городом, но на этой земле не было крепостных. В роду вот этих Тарковских, житомирских, если можно так сказать, был ксёндз один, Тарковский, то есть это польская семья. Ксёндз, потом стали военные уже люди. Вот кто был Матвей Тарковский, который начал бороться за дворянское достоинство, чтобы его и его семью вписали в какую-то дворянскую книгу. Вот он первый начал за это бороться, потому что Екатерина II издала указ о том, что жители Малороссии могут, подтвердив свое дворянство, стать уже законными дворянами. Так, вообще, они считались польской шляхтой, но еще не подтвержденной каким-то документом.

Хотя уже в 1803-м году житомирскими властями была выдана такая грамота Матвею Тарковскому, но почему-то сам этот процесс длился пятьдесят лет. Как я выяснила, началась переписка. Значит, они подавали в Житомир в соответствующий геральдический отдел какой-то документ, он шел в Петербург в отдел геральдики, уже общероссийский, видимо. Это была бюрократическая переписка, пятьдесят лет это все длилось. Туда надо было посылать все новые и новые документы о подтверждении, о детях, кто чем занимается. В общем, это была большая разветвленная семья, было много детей, вот у того же Матвея.

Самый близкий мне родственник, незнакомый, конечно, но близкий — это Карл Матвеевич Тарковский. Он был военным российской армии, ушел в отставку, с мундиром даже (*смеется*). К тому времени Тарковские уже жили в Елисаветградском уезде¹ Одесской губернии, потом она была и Николаевской губернией, тут менялись названия еще в царское время. Это был город Елисаветград Одесской губернии. Там Карл Матвеевич женился на Марии Казтановне. Ее настоящее имя было польским, потом она приняла православие и стала Мария Казтановна Кардасевич. Причем она была какой-то дальней родственницей Карла Матвеевича, в общем, такой родственный брак. У Марии Казтановны оказался большой участок земли под Елисаветградом.

¹ Елисаветградский уезд — административная единица в составе (поочередно) Новороссийской губернии, Екатеринославского и Вознесенского наместничеств, Николаевской и Херсонской губерний.

О заселении Новороссии

Это был раньше Елисаветград, потом после убийства Кирова — Кирово украинское, потом Кировоград, а теперь это стал город Кропивницкий. Тут я сделаю небольшую вставку из современности. Большинство жителей проголосовало за Елисаветград, но так как это название связано с Российской империей, потому что вся эта область, примыкающая к Черному морю, называлась Новороссией... Она была при Екатерине II завоевана, как известно, у турок, Турецкой Порты. Ну, турки обратились к англичанам, англичане их как-то проигнорировали в этот раз, они всегда были союзниками, а тут, значит, эти земли отошли. Потемкин их отвоевывал, и даже в Елисаветграде был дуб столетний или двухсотлетний, под которым, по легенде, Потемкин подписывал свои указы. Потом эта область называлась Новороссией. Это была голая степь абсолютно. Лето было достаточно жаркое, а зимы были жутко холодные, с ветрами, бесснежные, но морозные.

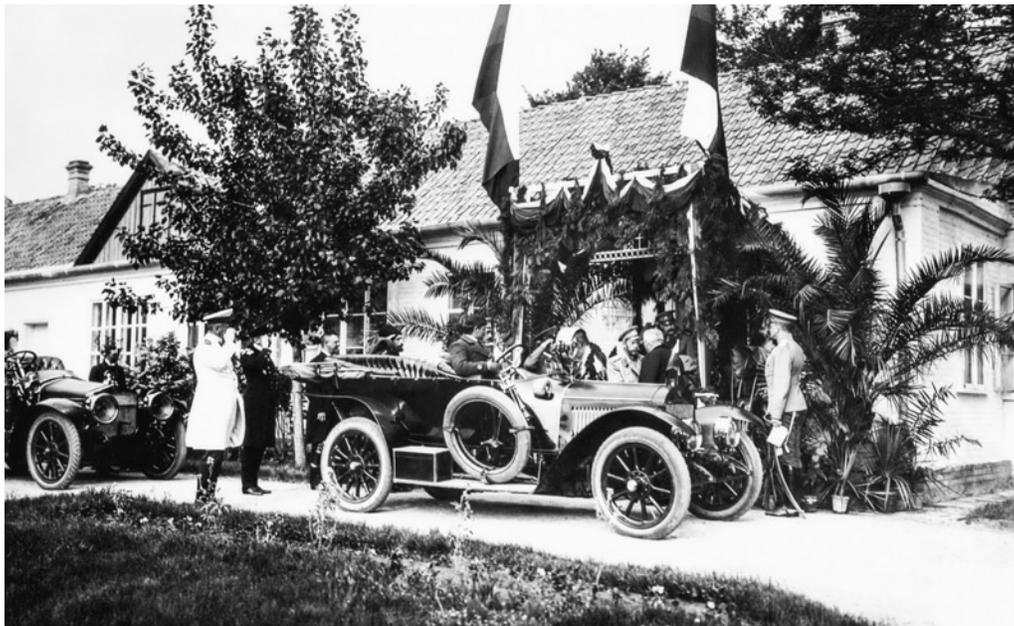
Я тут немножко отвлекаюсь, но сейчас это актуально, потому что проблема Украины стоит, которая перечеркивает все, что было до последнего времени. Это называлось Новороссией. Часть этой Новороссии была заселена, по призыву Екатерины, сербами, которых очень угнетали турки. Они с удовольствием перешли в Россию, вот в эту Новороссию, и стали как бы защитниками этой области от турок, поэтому там постепенно образовывался такой котел национальный. Там кого только не было: там жили немцы...

Это тоже очень интересная тема. Екатерина II пригласила немцев, чтобы они заселяли, культивировали, облагораживали, окультуривали эти земли. Как недавно узнала, с удивлением, что за каждого переехавшего колониста (их называли немцы-колонисты) Германия платила России определенную сумму. Я думала, что все это делалось бесплатно, оказывается, нет, платила Германия какие-то деньги.

Аскания-Нова

Ну, все знают такое имение Аскания-Нова. Оно где-то в районе Новороссии, нет, могу немножко путать, ближе, наверное, к Черному морю, тоже в голой степи. Приехало семейство Фальцев и семейство Фейнов. Представители этих родов женились и, по разрешению императора, стали носить двойную фамилию, они сами и их потомки. Они там организовали замечательное поместье, куда даже приезжал Николай II. Там был просто целый зоопарк. Там были верблюды, зебры, всякие антилопы — кого там только не было. Это все очень интересно. Когда началась революция, конечно, и белые, и красные, и зеленые (кого там только не было), конечно, поели всех этих животных с радостью. Потом, при советской власти, я помню, в школе нам об говорили, что это замечательное место, Аскания-Нова, конечно, не упоминая этих Фальц-Фейнов, которые вложили туда и труд, и деньги. Они привезли из Англии тонкорунных овец, хотели там разводить, а овцы все замерзли

зимой, потому что там было невозможно, туда нужна была другая порода какая-то. Это была большая работа, даже селекционная работа там проводилась. Вот это такое место. Оно теперь в составе Украины. Конечно, сейчас уже все хотят забыть всю эту историю и Новороссию, даже слово это им сейчас не подходит. Ну, я думаю, когда-нибудь история восторжествует.

Николай II покидает имение Ф. Фальц-Фейна. Аскания-Нова, 1914. Источник фото: pastvu.com/p/1150335

Елисаветград

Тарковские осели, как я уже говорила, в Елисаветграде. Сам Елисаветград был тоже необыкновенным и удивительным городом. Дело в том, что когда завоевывались эти области, там была построена крепость Святой Елисаветы, это старое название, оно потом сохранилось в названии города. Крепость эта была построена по европейским чертежам, в виде такой своеобразной звезды, что ли, не знаю, как назывались такие выступы. В этой крепости было все, что необходимо. Там стоял, конечно, какой-то полк для защиты. Был там и госпиталь. В общем, все что полагается.

Это было, наверно, на левом берегу Ингула. Протекала там река Ингул, такая степная река, которая летом почти высыхала. У папы есть стихотворение: «Есть город, на реке стоит, но рыбы нет в реке». Вот. Так что рыбы там не было, река пересыхала. Постепенно на той стороне Ингула военные выстроили город уже, потому что стал увеличиваться приток народу в это место, вокруг этой крепости и так далее, и уже было необходимо военное поселение целое. И вот спланировали Елисаветград как такое, действительно, военное поселение, видимо, какими-то военными инженерами, потому что там был очень четкий план города: перпендикуляры, параллели. В общем, он очень четко был выстроен.

Центральная улица называлась Большая Перспективная. Мне очень нравится это название чудесное. Потому что это с горы... Ну, рельеф местности диктовался наличием реки, поэтому здесь такая очень крутая гора. Большая Перспективная, потом проспект Маркса, не знаю, что там сейчас. Тарковские жили на параллельной улице, она называлась Александровская, в честь одного из императоров Александров, не знаю, Первого, Второго или Третьего.

Большая Перспективная улица, Елисаветград. 1900—1915 гг. Источник фото: pastvu.com/p/309929

Прадедушка и прабабушка Тарковские

Карл Матвеевич, дедушка моего отца, женился на Марии Каэтановне Кардасевич, уже она стала Тарковской. У нее было шестьсот десятин земли, вот этой степной, нетронутой, замечательной земли, черноземной. И получилось так, что Карл Матвеевич и Мария Каэтановна умерли в один год, в 1872 году, я эту цифру хорошо помню, от холеры. Началась холера, и они жили как раз в деревне. Деревня называлась Николаевка и Кардашевка, то есть одна часть Николаевка, другая — Кардашевка (Кардашівка по-украински). Когда они поженились, это объединилось. И сейчас есть улица Арсения Тарковского в этом селе. Храма нет, конечно, дома Тарковских, конечно, нет.

Что важно сказать? Да, они умерли в один день, но Карл Матвеевич остался вот в этом доме загородном, в имении, а Мария Каэтановна уехала в городской дом. Она думала, что там как-то не будет этой холеры. И вот получилось: в один день они умирают, оставляют четверых детей сиротами. Евгения выходит замуж и быстро умирает. Старшая Евгения Карловна, Надежда Карловна, Вера Карловна и последний Александр Карлович, это папин отец.

Надежда Карловна, Карл Матвеевич и Мария Каэтановна Тарковские. Елисаветград, конец 1860-х гг.

Тарковские и Тобилевичи

Надежда Карловна была удивительной красоты женщина, очень добрая, очень мягкая. Она прекрасно пела и еще при жизни родителей принимала участие в театральном кружке. Местная интеллигенция в Елисаветграде устроила кружок, в котором она и познакомилась с писарем судебной управы Иваном Карповичем Тобилевичем. Этот скромный писарь стал впоследствии одним из корифеев украинского национального театра, драматургом и актером Карпенко-Карым. В Киеве сейчас есть университет, который называется его именем, это было театральное училище, а сейчас это университет имени Карпенко-Карого. Он написал много пьес.

Когда тетя Надя вышла замуж за Ивана Карповича, то ее брат Александр, которому по закону принадлежала вся эта земля, все эти шестьсот десятин, выделил ей часть этой земли. В общем, поступил очень благородно, потому что по закону только мужчина был наследником, а женщинам ничего не доставалось. Он их всех наделил, поровну все разделил, и у каждого был свой участок.

Вот на этот участок, который принадлежал Надежде Карловне, приехали все Тобилевичи. Они жили где-то поблизости, под Елисаветградом. Они приехали на этот голый кусок земли. Это были такие дюжие хлопцы польского, наверное, происхождения, но обукраинившиеся, говорили по-украински и по-русски, может быть, и по-польски, не знаю. Они стали там работать. Они построили довольно скромный домик, какие-то служебные сараи, помещения, вырыли ставок (пруд), насадили какие-то деревья. Наверное, был и огород какой-то при этом доме, вот этого не знаю. Постепенно это место превратилось в пристанище вот этих корифеев. Они так и назывались на Украине: корифеи — все братья Тобилевичи и сестра. Их было четверо, значит: Иван Карпович, Николай Карпович, Панас (Афанасий) Карпович — в общем, три брата и их сестра. Я забыла, как ее звали. Она тоже была актрисой. Садовская-Барилотти у нее был псевдоним, а вот как звали, не помню. Один из этих братьев был женат на прекрасной украинской актрисе. Известная-известная украинская актриса, которая была влюблена в Александра Карловича, Мария Заньковецкая. И вот эта вся братия, конечно...

Александр как самый младший из детей, оставшихся сиротами, рос в доме своей тетки² Надежды Карловны и Ивана Карповича Тобилевича. Он рос и был как бы их воспитанником. А Надежда Карловна родила четверых детей. Одна дочка была очень больная, и тетя Надя с этой Галей поехала на лиман, там были лиманы Дунайские, по-моему, это Азовское³ уже море, тут я могу немножко путать. В общем, там были грязевые лиманы, она там очень сильно простудилась и умерла от скоротечной чахотки.

² Оговорка. Надежда Карловна была не теткой, а сестрой Александра Карловича Тарковского.

³ Черное море

Еврейский погром в Елисаветграде

Тогда была жуткая совершенно обстановка в городе, потому что там был еврейский погром. Это черта оседлости, евреев

там было очень много, там была синагога и какие-то училища еврейские, очень много было еврейских богатых купцов или каких-то деятелей, промышленников. И был страшный погром, не могу сейчас назвать дату. Дата⁴ довольно известная, потому что, видимо, по всей России они прокатились. В это время умирала тетя Надя, а весь двор Тобиловича (Быкова сторона называется, Быкова слобода — это часть Елисаветграда) был завален еврейским скарбом, потому что люди приносили все, чтобы не лишиться. Там было много и бедных людей, конечно, среди еврейского населения. Весь двор был завален их вещами, они где-то у них прятались. Ну, конечно, на калитку вешали икону — погромщики не входили к православным людям. В общем, такая очень драматическая история.

⁴ Еврейские погромы на юге Российской империи начались с беспорядков в Елисаветграде в апреле 1881 года.

Большая синагога. Елисаветград, 1910-е гг. Источник фото: pastvu.com/p/430557

Когда тетя Надя умерла, ее похоронили недалеко от хутора Надія, хутор был назван в честь нее, назывался «хутор Надія» — «хутор Надежды». Ну, со временем там музей образовался. Я не успела сказать, была огромная борьба за музей, и папа принимал участие, и Козловский, наш замечательный певец, он родом с Украины, и Рыльский. В общем, это тоже отдельная тема — устройство этого музея. И на могиле Иван Карпович написал душераздирающие слова по-украински: «Жинка моя дорогая, на кого ж ты меня оставила с малыми детьми. Прилети ко мне, моя голубка». В общем, вы знаете, до слез это. И он же потом был похоронен рядом с ней там. Я на этом кладбище бываю, и у меня даже на окне стоит веточка полыни с того места, красная вазочка и эта веточка. Вот такая драматическая история.

Иван Карпович, конечно, через какое-то время переехал в Киев. Он женился на участнице трупы их, София такая. Она написала очень доброжелательные воспоминания о первой жене Ивана Карповича, что она была шляхетка из богатого рода, вот так она написала. Ну, шестьсот десятин, может быть, это действительно большое богатство, я не понимаю.

Дедушка Александр Карлович Тарковский

И дедушка, Александр Карлович, еще будучи воспитанником Тобиловича и своей сестры, учился в реальном училище в Елисаветграде. Учился он довольно плохо, был невнимателен, нарушал правила поведения и довел дело до того, что замечательный директор этого реального училища (фамилию не помню сейчас) устроил учительское собрание, как говорили в наше время, и стали обсуждать поведение Тарковского. Его посадили на сутки, уединили в каком-то классе, он сидел там. Это для его гордого характера было, конечно, невыносимо. Представляю, как он страдал. И решили, что его исключают из этого реального училища. Ну, что такое реальное училище, наверное, все знают. Были классические гимназии и были реальные училища, приходские школы были при храмах. [В реальных училищах] в основном изучались точные науки. Ну, что еще сказать? Значит, исключенный Александр Карлович Тарковский приехал в Мелитополь, готовился предварительно к экзаменам и там сдал экзамены за курс реального училища, то есть у него получилось так называемое среднее образование.

В одном классе с ним учился некий Чикаленко, имя тоже сейчас я опускаю, который стал его большим другом. Они с ним решили куда-то поступать. И вот приехали в Киев поступать в университет, сейчас уже не помню, на какой факультет, пришли к известному профессору с рекомендательным письмом. Кто же написал это письмо? Сейчас я даже и не вспомню. И стали они поступать в университет, и оба не поступили. Были, наверное, плохо подготовлены все-таки. Потом они поехали в Петербург поступать, и Александр Карлович поступил туда чуть ли не вольнослушателем, или в Харьков, скорее всего, в Харьков они поехали. В общем, полноценного образования Александр Карлович не получил по причине весьма интересной: он попал в компанию друзей, скорее всего, в Харькове это случилось, среди которых были революционно

настроенные студенты. Он вернулся в Елисаветград и организовал местное общество «Народной воли».

В Елисаветграде было несколько течений противоправительственных. Была «Народная воля», кружок рабочий, такой революционный, и украинофильский кружок. Всем известно, что при царе украинский язык был запрещен. Он был только для частного общения возможен, а в каких-то государственных учреждениях это было совершенно невозможно. Не знаю, как с театром, может, они потом получили какое-то особое разрешение, потому что пьесы шли на украинском языке, скорее всего. Может, где-то и на русском, я не коснулась этой темы, но знаю, что было большое очень украинофильское движение на Украине.

Александр Тарковский (первый справа стоит) и Евгений Чикаленко (второй справа сидит) — ученики 6-го класса Елисаветградского реального училища

Владимир Дмитриевич Ильин

Получилось так, что в этом кружке нашелся предатель. Он был художником, может, таким самодеятельным. В это время Александр Карлович был у сестры Веры Карловны в Воронежской губернии. Она вышла замуж за полковника Владимира Дмитриевича Ильина. Здесь очень интересно о нем можно сказать несколько слов. Он был полковником, и они потом переехали со временем в Елисаветград. Папа играл с шашкой дяди Володи и мечтал о том, что когда он подрастет, тогда дядя Володя даст ему эту шашку, подарит. А папу мама одевала в девчачьи платьица, потому что она его воспитывала согласно педагогической теории Фрёбеля, когда для смягчения нрава мальчиков надо было одевать как девочек. Папе очень не нравилось, ему уже хотелось носить штанишки, как его старший брат Валерий, а дядя Володя ему сказал: «Ты надуйся как следует, платьице разорвется, тогда тебе не будут уже больше его надевать». Платьице пришло по наследству от Валерия, старшего брата, его тоже одевала бабушка как девочку.

Мария Даниловна Тарковская с сыновьями Валерием и Арсением. Елисаветград, 1911

С дядей Володей, Владимиром Дмитриевичем, была история ужасно драматическая. Он погиб в августе 14-го в Мазурских болотах, то есть при этом ужасном поражении армии Самсонова. Самсонов покончил с собой. Самсонов тоже был знакомым семьи Тарковских, потому что в этом городе, во-первых, был построен дворец для царской фамилии, во-вторых, было большое здание, в котором было юнкерское кавалерийское училище. Юнкерское училище, кавалерийское училище — оно немножко менялось в названиях, ну, военное это училище. И это, видимо, традиция такая, потому что город первоначально был построен как военное поселение. Там было это знаменитое юнкерское училище, туда приезжали императоры, почему там рядом стоял дворец императорский. Все это существует до сих пор. И за границей существует общество как раз тех военных, которые кончали Елисаветградское юнкерское училище, у них там знамя сохранилось полковое. Это известное было среди военных училище. Самсонов был одно время его, видимо, директор. Я не знаю, как называлась тогда его должность. В общем, он возглавлял это училище, поэтому он был знакомый семье Тарковских, потому что тетя по маминой линии отца была замужем за полковником Гусевым, который преподавал в этом училище физику, математику. В общем, поразительно все это интересно. Это я отвлеклась. Дядя Володя погиб в болотах Мазурских в эту войну, и Самсонов погиб. Это был большой траур в семье, конечно, да и во всем городе.

Революционная деятельность и тюрьмы Александра Тарковского

Так. Значит, вот этот кружок «Народной воли». Тарковский был там главным зачинщиком. Что они делали? Они распространяли какие-то листовки на гектографе, и привозилась из Харькова какая-то марксистская литература. Ничего такого. Пролитой крови, слава богу, на руках дедушки не оказалось. Никаких таких преступлений они не совершили, но вот этот человек, который их предал, назвал всех. Удивительная тоже личность была, видимо, была какая-то у него... Я не знаю, почему он предавал. Это целая тема для психологов: появление предательства, что являлось каким-то толчком к тому, чтобы предать. И это наверняка на чем-то основано, на глубоко психологическом каком-то факторе. Здесь, видимо, его чем-то раздражал Александр Карлович, дедушка. Он даже написал: «Было собрание по поводу годовщины убийства Александра III...» Нет, кого убили? Александра III или Александра II?

Екатерина Андреевна Голицына: Александра II.

М. Т.: По поводу убийства Александра II они собрались. «Были сначала пылкие речи, а потом собрание превратилось просто в попойку, и все напились», — пишет этот, фамилию сейчас не могу сказать, надо было мне книжку полистать. В общем, очень раздраженно он пишет. Видимо, его это все раздражало, и то, что он вляпался в этот кружок, наверное, ему уже не нравилось. Он их всех предал, и его так для начала арестовали, а потом выпустили быстренько.

Получилось так, что сначала дедушка сидел в одиночке в Одесском тюремном замке (это так называлось). Это было самое тяжелое для него испытание, вот эта одиночка, и оттуда он написал письмо Виктору Гюго. Это письмо опубликовано. Мне его нашли в архиве киевском, слава богу, оно оказалось у меня. Оно написано по-французски, я его перевела, оно есть в книге «Осколки зеркала». Он обращается к Виктору Гюго, описывает тяжелое положение. В общем, очень трогательное

письмо. Оно тут же, конечно, оказалось в полицейском отделении, то есть практика непередавания писем по адресу, которая у нас в Советском Союзе широко была распространена, оказывается, идет... Вообще, очень много перешло по традиции из царского времени, и допросы такие. Не били, конечно, но изматывали вопросами очень хитрыми, хитро построенными. Они же все были очень молодые люди. Есть запись допроса. Ну, там написано: кто вы, ваша должность, чем занимаетесь, чем владеете, — примерно такие вопросы. И на один из таких вопросов дедушка ответил: «Я имею честь принадлежать к партии „Народная воля“». В общем, был очень возвышенно-романтический и гордый человек, благородный, я бы сказала. Он, конечно, никого не выдавал.

Потом эту всю компанию перевезли, включая и украинофилов. Кстати, тут можно вспомнить и Чикаленко, он был как раз украинофил. Они немножко разошлись с Александром Карловичем, с одноклассником своим, в разные направления деятельности. Чикаленко стал известным украинофильским деятелем, по моему, есть написанные им воспоминания. В общем, стал известной личностью на Украине.

Что дальше? Они оказались в Бутырках, в башне Бутырской тюрьмы. Там есть такая башня, может быть, она и сейчас. Они свободно могли ходить друг к другу в камеры, разговаривать. В общем, была довольно либеральная обстановка. Дедушка получил пять лет ссылки в поселок Тунка (в инфинитиве говорю) Иркутской губернии. Это все было на границе с Бурятией, этот поселок Тунка. В советское время это была закрытая зона, потому что это была пограничная зона.

Я, кстати, написала туда письмо в школу №1, директору (*усмехается*) — на деревню дедушке. Они мне даже ответили, как туда добраться. Добраться туда было очень сложно, с большими пересадками, но я так и не собралась. Но дедушка оставил воспоминания об этих местах, замечательные просто.

Первый брак Александра Тарковского

У дедушки уже была невеста в Елисаветграде к тому времени, как его арестовали. Ее звали Александра Сорокина. Она была купеческая дочь. Видимо, они переписывались, я думаю, активно, конечно. Есть некоторое смутное сообщение, что она уехала туда с ним, но я думаю, что этого не было, что она его ждала там, потому что у нее был престарелый отец, уже нездоровый человек. Через пять лет он вернулся, и они поженились, обвенчались. Родилась дочь Леонилла Александровна Тарковская от этого брака. Через некоторое время Александра умирает, и Александр Карлович остается один с маленькой дочкой. Он пишет стихи на смерть своей любимой жены.

В это время он работает уже в Общественном банке Елисаветграда. Он так до революции там и проработал. Он был товарищ директора банка. Товарищ — это как заместитель, второе лицо после директора. Может быть, я неправильно называю, может, там не директором назывался главный человек в банке. В общем, он не мог повыситься в должности дальше, потому что он был под постоянным надзором полиции. Его выпустили из ссылки с таким волчьим билетом, что он живет под надзором местной полиции. Так он всю жизнь и прожил до революции. Это Александр Карлович.

Сестры Рачковские

Проходит какое-то время, Александр Карлович знакомится с семьей полковника Гусева, потому что там живет, преподает, как я уже говорила, в юнкерском училище Гусев, дядя Саша, Александр, и он женат на сестре папиного отца⁵. Короче говоря, там появляется семейство Рачковских, три сестры их было. Это будущая жена моего дедушки. Сейчас надо уже и рассказать о семействе Рачковских, то есть о семье папиной матери, то есть матери Арсения Тарковского, нашей бабушки. Ее так и называли «бабушка Тарковская». И вот история ее семьи такова.

⁵ Оговорка. На сестре папиной матери.

Значит, город Бельцы, где она родилась. Ее отец Данила Петрович Рачковский был почтмейстер — вот он кто был, хотела сказать «управляющий почтой». Кстати, папа — это просто вылитый он, очень похож: форма головы, форма рук. Она и ко мне перешла, только сейчас руки у меня уже не те стали, руки отечные, а так — просто удивительное сходство.

Данила Петрович жил себе в Бельцах, командовал почтой. Кстати, мы говорили в связи с Александром Тарковским о том, как они праздновали годовщину убийства Александра II. Так вот есть письмо Данилы Петровича к дочерям по этому поводу. Он пишет: «Какие мерзавцы, — я просто своими словами передаю смысл письма, — как они могли посягнуть на жизнь помазанника, что это за люди? У них нет ничего человеческого!» Вот такое письмо. А спустя какое-то время его дочь выходит за одного из участников этой самой партии «Народная воля». Вот такие парадоксы.

Ну, он живет, его жена умирает при последних родах. Остается Данила Петрович с тремя дочерьми. Три дочери: Александра, Ольга и Мария. Мария стала женой Александра Тарковского. В Елисаветграде уже живет Ольга Даниловна, жена полковника Гусева. Да, все девочки учились в гимназии в Кишиневе. Туда [в Елисаветград] приезжает Мария Даниловна, народная учительница. Она окончила гимназию, получила свидетельство о том, что имеет право на преподавание школьной программы. Она уже работала в разных городах вокруг Кишинева и приезжает туда уже с каким-то жизненным опытом. Она была уже не очень молода, какой-то возраст стародевичий у нее был. Она приезжает в семью Гусевых, к своей сестре, и живет с ними в одном доме.

Второй брак Александра Тарковского

Александр Карлович, конечно, ее встречает. Город маленький, там где-то променада, бульвар, где все гуляют по вечерам, ища прохлады летом. Он видит Марию Даниловну и понимает, что ему пора семейную жизнь устраивать, потому что на его руках маленькая дочка и служба у него. Он начинает за ней ухаживать. Ухаживания длились достаточно долго, потому что Мария Даниловна не была в него влюблена, тем не менее Александр Карлович был настойчивым кавалером. Однажды,

когда они в церкви были то ли на крещении ребенка какой-то знакомой семьи, то ли на венчании, я уже сейчас не могу это уточнить, он шепнул Марии Даниловне: «Маруся, если вы не скажите мне „да“, то я сейчас лягу на пол, буду бить ногами и кричать». Она поняла, что если она не скажет «да», то это и случится, и она сказала свое «да». Конечно, она вышла замуж не любя. Но Александр Карлович был такой обаятельный человек, я думаю, что он покорил ее душу. Конечно, со временем это стала теплая, любящая семья, детолюбивая при этом семья, потому что была и старшая дочь уже, Мария Даниловна к ней относилась как к родной.

Гусевы и Мирандовы

Потом вот эта семья Гусевых, правда у них детей не было, а приезжали из Харькова девочки Мирандовы, дочки старшей сестры Александры, которая вышла замуж и стала Мирандова. Кстати, с ее детьми происходили страшные вещи во время войны. Харьков был занят немцами, ее дочь или внучка, надо посчитать по времени, ну, близкий ей человек, это бабушкина племянница или внучатая уже племянница... Как называется, когда немцы заставляли на них служить украинцев или русских? Этот человек служил немцам. Полицей — вот он кто был. Да, она была замужем за евреем, он был в армии, а у нее была дочь или дети, я не знаю, кто там был, в общем, дети были. И этот полицай вынудил ее к сожительству, и всю оккупация она должна была с ним жить. Вот такие трагические истории. «Иначе, — говорит, — я скажу, что отец твоих детей еврей, и тогда их всех уничтожат». Вот такая трагедия.

Приезжали эти девочки Мирандовы в Елисаветград, ехали все на дачу Гусевых на Соколовские хутора, так называлось место, которое сейчас уже почти слилось с городом, уже хуторов там нет, стоят пятиэтажки. И вот была такая «детская колония», дядя Гусев называл это детской колонией, потому что там были дети и внуки Надежды Карловны, потому что внуки Надежды Карловны были ровесники папы, ну, так по возрасту все получалось. Там играли в индейцев, там был театр, были программки. Даже собирали по пять копеек в фонд каким-то детям, не знаю, кому, но в какой-то фонд. Они не себе брали эти деньги, а отдавали.

Валя Тарковский

Старший брат папы был старше на два с половиной года. Валерий был совершенно незаурядным мальчиком, подростком. Он в начале Гражданской войны стал анархистом в пятнадцать лет. Когда началась эта страшная кровавая война, особенно на Украине она была самой-самой трудной, самой тяжелой, самой кровавой, там образовывались разные совершенно, противоположные группы воюющих. Во-первых, красные и белые, зеленые, анархисты, григорьевцы потом вступили в войну, Маруся Никифорова, немцы, кстати. Каждый город переходил из рук в руки, все было очень страшно.

Папу арестовали, потому что он нарушил комендантский час, и привели к Марушке Никифоровой. Она сидела в кабинете директора гимназии, где уже начал учиться папа в первом классе. Она сидела и говорит: «Ой, какой гарный хлопчик!» Его привел какой-то ее подручный, который по улицам ходил с солдатами. Кстати, она покушение на Ленина устраивала, неудачное, к сожалению. Ну вот, значит: «Какой гарный хлопчик!» Она достала из ящика директорского стола обвитый ленточкой леденец длинный и дала, сказала этому сопровождающему: «Отведи хлопчика до дому». Он, значит, привел хлопчика домой.

А Валя ходил вооруженный, у него в каждом кармане был пистолет. Когда его останавливал патруль, не знаю уже чей, Марушкин или другой, он поднимал руки вверх вот так, с этими пистолетами, а те начинали его вот так охлопывать (*усмехается*). В общем, совершенно отчаянный. Мне он очень напоминает Андрея по характеру. Андрей ничего не боялся, так же как Валя. Валя ничего не боялся.

Когда начались бои, сначала он ездил с агитацией, уезжал на несколько дней, где-то в окрестностях Елисаветграда агитировал. Причем в одной компании с ним среди анархистов был брат Зиновьева, этого Радомысльского, Миша Радомысльский. У Зиновьевых в Елисаветграде был дом свой. Видимо, это была очень зажиточная семья, может быть, купеческая, большой дом, он до сих пор стоит, кирпичный, красный. У него была кличка Миша Злой. Валя подписывал свои статьи Пламенный Кид. Я не знаю, кто это Кид, то ли это был какой-то персонаж, случайно не из Джека Лондона? Я все пытаюсь как-то сообразить, до сих пор не поняла. В общем, он был Валя Тарковский, никакой клички нет, только был у него псевдоним. Он писал, публицист был великолепный, пятнадцать лет, поразительный мальчик, красивый, чудный.

Арсений и Валерий Тарковские

В это время наши большевики (*усмехается*) заключили союз с Махно. Махно — это Одесса. Они выпускали там свою газету под названием «Набат». Это май 19-го года. Большевики заключают с анархистами военный союз и выступают против наступающей армии атамана Григорьева. Он был просто офицер, но тогда все были атаманы, по-украински, наверное, не знаю. Валя уже воюет. Родители не знают, где он. Они пишут письма, бегают по городу, ищут людей, которые могли бы с ним где-то встретиться. Это было все ужасно.

Он приезжает раненый. Родители призывают доктора Михалевича. О нем тоже стоит сказать два слова, врезка, да. Доктор Михалевич — давний знакомый Тарковских, еще дореволюционный. Естественно, он был в ссылке вместе с Александром Карловичем в этой Тунке, потому что он был в украинофильском кружке как раз. Он был украинец чистокровный. Возвратившись, он был вот таким домашним другом и врачом. Пришел доктор Михалевич, как-то обработал его раны, и Валя через один-два дня снова сбежал, и снова неизвестно где и как.

В общем, Валя погиб в одном из боев. Вся эта армия, в которой он был, видимо, это Красная армия тоже, они как махновцы туда влились... Их оставили вдвоем охранять какую-то станцию железнодорожную. В общем, не нашли ни тел, ничего. О нем ничего не стало известно, только кто-то говорил, что он был очень храбрый и во всех боях шел впереди всех. Вот о нем такие сведения остались.

Родители не верили в его смерть. Бабушка писала стихи, что нет даже могилы, куда можно прийти и оплакать сына. Дедушка продиктовал бабушке письмо (сейчас буду рыдать), письмо Вале, которого уже нет на свете. Вот так погиб Валя, замечательный человек. Я думаю, если бы он остался жив, его бы уничтожили большевики, как уничтожили многих анархистов. После того, когда уже захватили окончательно власть большевики в тех местах, они арестовали всех анархистов. Их друзья, которых не арестовали, которые, может быть, не были среди анархистов, писали письмо в ЦК партии Украины, ну, главному вождю коммунистическому, о том, что вот этих людей содержат в лагере, что они верные друзья революции, что они боролись за революцию. Ну, я не знаю их судьбу.

Но что меня потрясло. Было несколько изданий «Окаянных дней» Бунина. В одном издании это было опущено почему-то, ну, наша редакция как-то работала, а в другом издании «Окаянных дней» я читаю запись Бунина от 22 мая 19-го года. Он оказывается в Одессе, занятой большевиками, я так понимаю, идет по улице и видит приклеенную газету анархистов «Набат». Не знаю, как там с большевиками, в общем, «Набат» еще, анархисты еще существуют. И в этой газете он читает, что всех, кто знает о гибели Миши Злого, Вали Тарковского, еще кого-то третьего там упоминают, просят сообщить по адресу газеты. А, Манюня еще там был, фамилию сейчас я не смогу вспомнить. Бунин приходит домой и записывает в дневнике как раз за 22-е, а они уже погибли. Где-то от 15-го до 19-го [мая], вот в этот период, эти мальчики погибли. И он пишет: «Эти сволочи — значит, примерно так, — ищут своих товарищей. Валя Злой...» Он то ли забыл, то ли нарочно всех их переименовал. Думаю, конечно, и злость была против всех этих людей, и забыл, просто прочитал, и могли все эти имена у него перепутаться. Ну, довольно уничтожительно, Манюня какой-то. В общем, он их очень презирал. Но я думаю, если бы он знал, что это мальчишки, что «свобода, равенство, братство» у них в голове, ему самому было бы, наверное, как-то... Жалко, что он не узнал о судьбе, о семье этого мальчика. Ну, вот такая печальная история с Валей.

Когда папа уже был сильно болен, я сидела рядом с ним, а он дремал от лекарств, которыми его пичкала жена, а я читала газету. Ну, делать нечего. Папа просыпается и говорит мне (не могу даже сказать): «Это о Вале пишут?» Представляешь? То есть столько лет прошло, и в конце жизни... Ужас (*пытается подавить слезы*). Вот. Вздохнули.

Александр Карлович, Мария Даниловна и Арсений Тарковские. Начало 1920-х гг.

Мария Даниловна Тарковская

Возвращаемся к девочкам и к женщинам Рачковским. Значит, Мирандова Александра, старшая, остается в Харькове, а Ольга Даниловна и Мария Даниловна живут в доме Гусевых. Ольга, его жена, по профессии акушерка. Она тоже кончила гимназию. Отцу было очень трудно, кстати, их воспитывать, платить за гимназию надо было, крыша у него текла в этом городе, где он жил. Он только продавал вербу-лѐзу или лозу, вербу-лозу он продавал. Вот это мне очень понравилось (*усмехается*) в письме, где он клянет убийц Александра II, что жить ему очень трудно.

И тут они знакомятся, и Мария Даниловна выходит замуж за Александра Карловича. Они живут в доме на Александровской улице, свой дом, свой сад. Отец папы служит, по вечерам ходит в клуб играть в карты, но семья, как я говорила, очень чадолубивая. Мария Даниловна была помешана, пусть извинит она меня за это слово, на гигиене, не только на Фрѐбеле, но и на гигиене бытовой, я бы сказала (*смеется*), то есть это было что-то невозможное. У нее была даже кличка домашняя, не буду повторять, так как не хочу обижать ее память, ну, шутливая такая. И она очень оберегала детей своих. Вот она у них отняла увеличительное стекло, боялась, что они что-то сожгут. Вот она у них отнимает какой-то ножик, они пишут записки: «Мама, дорогая моя, умоляю, верни нам», — там что-то такое.

Арсений и Валерий Тарковские. Елисаветград, 1913

Леонилла Тарковская

Потом вырастает Леонилла Александровна, и в доме появляются женихи. Один из них Ропалло, скульптор, отец его содержит скульптурную мастерскую, но делает памятники и другие работы из мрамора. Он ухаживает за Леониллой Александровной. Отец категорически против, конечно: «С этим шарманщиком ты не будешь». Он дарит ей обезьяну (*смеется*). Потом прочтешь рассказ на эту тему, я его не буду пересказывать. В общем, он уже оказался шарманщик с обезьяной. Обезьяна, конечно, ведет себя безобразно совершенно в доме, они, наверное, ее куда-то отдают. В конце концов Леонилла Александровна выходит замуж за Балинова, такой Балинов был в Елисаветграде. Они оба увлекались театром. Они переезжают в Москву, самые первые из них, кто появляются в Москве, в каком году, не знаю просто.

Тетя Лёня, Леонилла Александровна, я ее хорошо помню. Удивительно, когда видишь лицо и потом понимаешь, что она дочь моего дедушки, и как она была похожа на него. Вообще, вот эта связь поколений просто удивительна. Мы как-то не особенно это ценили, я, например. Ну, тетя Лёня и тетя Лёня, а сейчас я думаю, что мне надо было как-то к ней лучше присмотреться, расспросить обо всем. Ну, я была подростком, и это мне в голову не приходило, была малоприспособленный к жизни человек.

Смерть дедушки

Потом они уезжают. Да, в 24-м году умирает отец. Я пропускаю отрезок Гражданской войны и после Гражданской войны, когда было очень страшно. Гражданская война, власть переходила в городе из рук в руки. Военные все были бандиты, они ходили по домам, грабили, били. Дедушку избил кто-то из этих освободителей или захватчиков, не знаю. Они переехали в дом Гусевых, а свой дом просто бросили, но он оставался до советского времени, его в советское время снесли. Есть снимок 55-го года: папа у этого дома стоит.

Они живут уже с Гусевыми. В 24-м году умирает от инсульта дедушка Александр Карлович. Бабушка остается с Асиком, так звали папу уменьшительно. Она начинает хлопотать о пенсии и пишет в Союз каторжан в Москву. Каторжане ей отказали, сказали, что он не был на каторге, а был в ссылке. Оказывается, это большая разница, у революционеров была своя градация (*смеется*). Такие интересные подписи там были, разнофамильные, разных национальностей, эти каторжане подписались, начальники каторжан. Все-таки дали какую-то ей пенсию.

Арсений Тарковский у дома детства. Кировоград (Елисаветград), 1955 г.

Переезд Арсения Тарковского в Москву и поступление на курсы

Она начала работать в разных советских организациях, которых расплодилось много, — везде справки, везде анкеты. Ну, началась веселая советская жизнь: нищая, бедная, голодная. Папа приезжает в Москву учиться в каком-то вузе. Его наставляет бабушка. Он приезжает в Москву, потому что тут уже Балиновы, его сестра по отцу с мужем, и у них уже маленький сын Игорь, участник потом войны. Я его тоже помню, этого Игоря. И он решает поступать.

Так как он писал стихи с горшка, как он говорил шутливо, то он решает все-таки поступать в Литературный институт. Литературный институт, который организовал Брюсов, был уже закрыт, потому что Брюсов в 24-м году уже умер. Тогда этот институт быстро закрыли, но в 25-м уже организовали курсы при Москпрофобра — Московский профсоюз работников образования, наверно. Москпрофобра — тогда же увлекались аббревиатурами безумными совершенно. Есть, наверно, научные работы на эту тему. Интересно все было. На этих курсах преподавали почти все те лица, которых набрал в свое время Брюсов. Тут не надо было кого-то искать, тут уже была замечательная когорта знатоков всего, что касается филологии. Там был Локс, там был Верховский Юрий Никандрович, там был Ярхо, ну, и многие-многие другие, не могу сейчас вспомнить. Да, кто-то из философов... Густав Густавович Шпет! Кстати, дедушка Кати Максимовой и жены Жени Пастернака, покойного. В общем, блестящий совершенно состав педагогов.

Это были курсы. Во-первых, они были платные. Папа писал заявление, чтобы его освободили от этой платы, потому что ему нечем платить. Ну, какие-то были обоснования.

Дружба Арсения Тарковского с Георгием Шенгели

Принимал папу на эти курсы замечательный человек, поэт и теоретик стиха, Георгий Аркадьевич Шенгели. И папа был принят, а с Шенгели они остались друзьями на всю жизнь.

Совсем недавно вышла замечательная книга о Шенгели, автора ее я сейчас не назову, к сожалению, потому что забываю. Вспомнила, автор ее Молодяков, замечательный человек, японист, живет в Японии и пишет замечательные книжки-исследования. И вот он написал о Шенгели замечательную книгу. А папа писал воспоминания о Шенгели, они довольно короткие, но очень емкие, извините за банальное слово, потому что они написаны с очень большой любовью.

Папе покровительствовал и Шенгели, и его жена Нина Леонтьевна Манухина, поэтесса, прелестная, красивая и очень добрая женщина. Они папу просто приютили. Он жил у них под столом, провел туда лампочку электрическую — одна комната. Они его кормили и заставляли писать стихи, как папа написал.

Да, и вот что о Шенгели тут. Оказывается, как выяснил этот автор Молодяков, Шенгели был на крючке НКВД, или как это до войны называлось. Говорят, что каждый пятый человек из Союза писателей был сексот. Я очень хорошо этих людей понимаю. Они боялись за свои семьи, им угрожали, их заставляли. Каждый из них работал в меру своей порядочности, я думаю, потому что я знаю человека, просто исключительно порядочного, который тоже вынужден был (его уже нет на свете) с ними сотрудничать. И для Шенгели... Папа этого, конечно, не знал, потому что он не мог этого рассказать никому из посторонних людей. С ним периодически встречались эти люди, давали ему какие-то задания.

И дали ему задание, когда началась война. Они с Ниной Леонтьевной уже с чемоданами подходили к поезду, чтобы уехать из Москвы, где-то в октябре 41-го года. Подошли двое в штатском, взяли ее чемодан, они ехали в Ташкент, по-моему, и сказали ему: «Пойдемте. Вы остаетесь». Она уехала с его вещами, а он остался с ее чемоданом. Дело даже не в этом, а в том, что они хотели устроить такую провокацию: когда немцы войдут в Москву (к этому готовились очень активно советские власти), он должен был создать антисоветскую группу писателей, оставшихся в Москве. Конечно, они понимали, что не всем писателям нравится советская власть, а тут они себя выявят как-то. Слава богу, этого не получилось. Он сумел выехать все-таки к Нине Леонтьевне в эвакуацию.

Это было для этого высокодуховного, морального человека страшным гнетом. Он, наверное, поэтому и рано умер, потому что это его мучило. Папа тоже пишет в воспоминаниях: «Он сидит, как какая-то птица или как орел...» Он был очень красивым человеком. Там масса крови у него, смесь всяких национальностей, и греки там, и поляки, в общем, очень много всего в этом роду, грузины там были, Шенгели. Был очень красивый человек. А папа пишет: «Он сидит, нахохлившись, как орел, — примерно так, — ни с кем не хочет разговаривать, никого не принимает почти». Потому что он в этой осаде. Он себя просто изолировал от людей, чтобы никого не подводить, не быть доносчиком. В общем, такая трагедия, о которой я недавно узнала, и папа этого не знал.

Отношения и переписка родителей

Папа начинает учиться на этих Высших литературных курсах. А мама поступает в этом же году, в 25-м, на подготовительные курсы. Там был первый курс и подготовительный. О маме пока рассказывать не буду, но она туда поступает. Она была очень хороша собой. Она была блондинка с золотыми волосами, у нее было две косы, каждая в кулак. Как пишет Наталья Владимировна Баранская, мамина однокурсница и подруга, писательница: «У Маруси было лицо, как бы озаренное солнцем». Вот такая была мама.

Папа пользовался огромным успехом у девиц этих курсов, многие были в него влюблены, тоже целая история. И папа влюбляется в нее. Они были как позитив и негатив внешне, потому что мама была вся светлая, золотая, румяная, прекрасный фарфоровый цвет лица, а папа был темноволосый, немножко была желтизна у него в лице, потому что была не в порядке печень. Наследственная болезнь, которая и ко мне перешла, не называлась она тогда холециститом, а просто печенка болит. Мама его отпаивала потом этим редечным соком.

Папа любил маму, и это была любовь такая, я бы сказала, безумная, потому что лежат письма. Мы готовим том папиной прозы, куда будут включены его письма разных периодов. Это письма, начиная с 20-х годов, с 28-го, вот когда у них была такая переписка. Они поженились, и началась у них переписка, потому что мама часто уезжала к своему отцу, который жил в Малоярославце, или к бабушке, которая жила в Кинешме на Волге. Папа мог еще уезжать к своей матери, а мама оставалась в Москве. И была переписка, мама должна была каждый день писать, папа каждый день ждал. Если письма не приходили, он сходил с ума. А там цвела белая акация. «Эта белая акация проклятая наполняет этот город ужасный»⁶, — он уже его ненавидит, потому что он рвался в Москву, допустим, если мама в Москве была, а денег уехать не было, и он ждал дня, когда бабушка, то есть его мама, получит пенсию, даст ему какие-то деньги, и он уедет. А надо ждать еще месяц до этого тринадцатого числа.

⁶ В 1928 году, приехав на два недели навестить мать, забрать то, что осталось от его библиотеки (в суровые годы родные продали большую часть книг), и проститься навсегда со всем, что его связывало с этим городом, Асик пришлет в письме своей юной жене Марусе веточку белой акации. «31.05. Муариск ты мой! Собирается дождь, ветер ужасный. Тоска невообразимая. Я сплю все время; должно быть у меня страшная сонная болезнь. И за что это? Два письмочка <...> я получил и радовался, как (Прутков говорил) — скрипач канифоли... Сейчас я пойду за акациной веткой, и самую маленькую плеточку положу, чтобы ты увидела, что это за дикая штука. Акации буйствуют, на улице сплошной белый душающий сладкий дым этих подлых акаций... Я страшно скучаю. Только твои письма и спасают меня от тоски и беспокойства... Я живу от письма до письма. Золотусь мой! Не забывай своего мужа, он же медведь, он же собака, он же тебя очень, очень любит...»
Цитата по книге Тарковская М. А. Тарковские: Осколки зеркала. — Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018.

«Плесточки» белой акации из письма Асика.

Расчетная книжка ВЛК Марии Вишняковой-Тарковской.

Мама с котенком. Сзади виден деревянный Щелкунчик. 1931 г.

Иллюстрация из книги «Осколки зеркала»

И каждый день эти письма, эти мучения, телеграммы. Если он не получает насколько дней писем, он уже пишет телеграммы: «Жива ли Маруся? Маруся!» И дикая ревность при этом. Где-то я вычитала, что люди, которые страдают болезнью печени, очень ревнивы. Видимо, это тот случай, потому что там за мамой ухаживал ее двоюродный брат и хотел очень жениться на маме. «Вот куда ты ходишь? Ходишь ли ты с Шурой? — Шура его звали. — Ходишь ли ты с Шурой на Черную речку? — там где-то под Кинешмой была Черная речка. — Не ходи туда, я тебя прошу. Вообще никуда не ходи ни с кем!» В общем, вот такая забавная переписка. Причем мне придется ставить угловые скобки и точки, когда будем уже печатать эти письма. Они настолько личные, что просто половину письма приходится удалять. Я не имею права публиковать такую интимную переписку.

Потом рождается Андрей.

Род Вишняковых

Е. Г.: Подождите, а про мамину семью?

М. Т.: Теперь про мамину семью?

Е. Г.: Конечно.

М. Т.: Это мы покончили пока с папой. Вот папа женат на Марии Ивановне Вишняковой. Что это за семья? Мамин отец (начнем с него) Иван Иванович Вишняков, уроженец города Калуга. Начну от него как бы исходить, от Ивана Ивановича. Его отец, Иван Гаврилович Вишняков, казначей в Калуге. Я не знаю, казначей чего, при ком, при чем он. Он служит. Это какое-то общественное учреждение, я думаю. Вот он работает чиновником и даже получает личное дворянство и орден Владимира, не знаю, какой степени, может, второй. Орден сохранился у моей двоюродной сестры.

Иван Гаврилович начинает свое образование в семинарии, потому что его отец, Гаврила (уже не помню отчества), был священником. Естественно, что сына посылают учиться в семинарию, но он не захотел, вышел из семинарии, вступил на стезю чиновничьего служения и дослужился до дворянства. А все его дальнейшие предки — это священники. Кто-то из них в более высоком сане священническом состоит. А первоначально они служат под Боровском в селе Васильевское, по-моему, так называлось. Сначала была церковь деревянная когда-то, потом при одном из Вишняковых строится каменная церковь. Он еще служит в деревянной, потом умирает, и церковь достраивается уже при его сыне, тоже священнике. Вот это семья священников.

У Ивана Ивановича были две сестры: Елизавета Ивановна и Елена Ивановна. Они все были учительницами, то есть они кончали то ли епархиальное училище, то ли еще что-то, гимназию, может быть. Я думаю, гимназию в Калуге, потому что отец был все-таки довольно крупным чиновником по тем временам. У них был свой дом. Вот такая семья.

Род Дубасовых

Мама почему-то никогда не рассказывала про эту семью. Она очень не любила говорить о своих предках, то ли потому что священники, я не знаю почему. Для нее были очень тяжелы эти воспоминания, потому что в свое время Иван Иванович женился на нашей бабушке, маминной маме. Сейчас два слова о ней. Она была из рода Дубасовых. Это дворяне с большой-большой родословной, боярский род, который упоминался где-то в летописи, как мне говорила бабушка, а ей говорил ее отец, при царе Алексее Михайловиче. Этот род, видимо, как все такие знаменитые роды, разветвлялся. Один из Дубасовых был контр-адмиралом и служил в Петербурге, стал потом генерал-губернатором Москвы и расстрелял демонстрацию 905-го года. Это, конечно, страшно напугало бабушку в дальнейшей жизни. Она со всех фотографий пыталась соскоблить бритвой или еще чем-то свою фамилию или фамилию родителей. Но они не были знакомы с тем Дубасовым, плохим.

Отец ее был инженер. Он был сирота, воспитывался в кадетском корпусе. Бабушка рассказывала про кадетский корпус много анекдотических историй. Во-первых, конечно, кадеты — это подростки растущие, мужского пола, которые всегда были голодные в этом Московском кадетском корпусе. Так как Николай Васильевич Дубасов, бабушкин отец, был очень высоким, он сидел первым на скамейке в столовой. И вдруг приходит наследник, Николай II⁷ будущий. Ну, все как полагается в кадетском корпусе, приветствия. Я уж не знаю, как это все происходило, но происходило. Наследник подошел к скамейке, где сидел Николай Васильевич, Коля Дубасов, кадет, и сказал: «Ну-ка, подвинься». Тот двинулся, как-то они все сдвинулись, он сел на его место и съел его обед (*смеется*). А Коля Дубасов остался без обеда. Вот это была очень грустная история: наследник съел его обед. Это бабушка рассказывала.

⁷ В книге «Осколки зеркала» речь идет о будущем Александре III.

Еще история из жизни кадетов или кадет, как тогда говорили: как они воровали пирожки. В подвальном помещении кадетского корпуса была кухня. Окно было зарешечено, но оно было там, небольшое окно, возвышающееся над землей. Где-то близко от окна был стол, на котором остывали пирожки. Они подходили, конечно, сам запах давал им энергию, они придумали какую-то проволоку или что-то типа кочерги, и эти пирожки оттуда вытаскивали и съедали, пока их там не накрыли. Ну вот все, что можно сказать о кадетской юности Николая Васильевича Дубасова.

Быт Дубасовых и дом на Пименовской улице

Потом он стал инженером, у него была даже фуражка с таким инженерным значком. И было создано акционерное общество. Да, начну с того, что был у них дом в Москве на Пименовской улице, дом 36. О нем даже сейчас я нахожу какие-то сведения в интернете. Был основной дом, внизу была большая зала, и был флигель, который они сдавали жильцам. Залу эту они сдавали под праздники, под свадьбы, под именины. Люди, которые хотели где-то собраться, арендовали у них это помещение. Есть фотография, где группа людей сидит в их дворе под березой, а на следующей фотографии двое из этой группы, два молодых человека, залезли на эту березу. Выглядит это, конечно, довольно глупо и смешно. Это все происходило на Пименовской во дворе этого дома.

Жили очень скромно. При этом было поместье у них в Калужской губернии, имение Переверзево. Деревня Переверзево существует до сих пор, тоже все собираюсь поехать. Увы! Из имения им кое-что присылали, конечно, но жили скромно. В основном ели, как говорится, щи да кашу, ну и что-то такое. Щи мясные варились, каша, и было, наверное, какое-то разнообразие. Все-таки дворянская семья, не очень бедная, но получилось так, что Николай Васильевич...

Да, кстати, об уровне жизни. Когда был день рождения или именины, — день рождения не праздновался, праздновались именины, конечно, — то бралась какая-то старая кукла, допустим, Верочке, моей бабушке принадлежащая. Ее отдавали обновить немножко, покрасить или починить что-то сломанное, потом в новом платье она дарилась имениннице. Видимо, это тоже приносило радость ребенку. Не то что сейчас: целый угол какой-то пластмассы лежит в доме, не знаешь, что с ним делать, и дети не играют в это все, это все одномоментная какая-то гадость. А тогда так берегли, берегли одежду, перешивалась одежда от старших девочек (их было три сестры), переходила к младшим. То есть была очень рационально жизнь устроена, берегли деньги как-то, не были, конечно, такими жадными, но, в общем, рациональной была ее мать. Это особый разговор.

Значит, Николай Васильевич, отец бабушкин, вступил в это акционерное общество и вложил туда все, что у него было, все свое накопленное состояние. Не знаю, откуда оно бралось, может, с имения как-то. Они стали строить Московско-Киевскую железную дорогу. И он ездил на Украину. Вообще, начинали, наверное, с России. Эта прямая железная дорога проходила через частные владения, ну, план этой железной дороги. Его задача была как-то устраивать дела с людьми, которые должны были продать под железную дорогу какие-то участки. А потом на работах он принимал участие уже как инженер. В общем, он очень много был связан с Украиной, потому что шла дорога в Киев, и привез оттуда разные поговорки украинские. Какое-то количество их я от бабушки знаю. Чоловік піймав щуку, жінка каже, що це рак. Нехай так, нехай так, нехай щука буде рак (*смеется*). Я на плохом украинском сказала.

Это Николай Васильевич. Он был очень добрым человеком, очень любил своих, но был занят всегда. Случилось так, что они работали-работали, а потом один из акционеров, видимо, самый главный в этом сообществе, по фамилии фон Мекк, удрал за границу со всеми деньгами, принадлежащими этому обществу, и дедушка разорился в пух и прах. Наверное, отсюда щи, каша гречневая и другое что-то такое скромное. Но имение они все-таки сохранили, была земля, был лес, то есть, наверное, такой нищеты уж не было. Вот еще сдавали помещение. Это тоже, конечно, недворянское дело. Все-таки как-то старались еще зарабатывать этим.

А его жена, Мария Владимировна, урожденная Пшеславская, была дочерью Ксаверия, не помню отчества, Пшеславского, поляка, естественно. Кстати, он знаменит остался в истории тем, что часть его земли была куплена у него Львом Толстым. Это где-то зафиксировано в каких-то документах. Я не видела этот документ, но кто-то мне сказал, что упоминается этот Ксаверий Пшеславский.

Она была необыкновенно красивой женщиной. Их было три сестры тоже, все красавицы. Одна из них замуж не вышла, у нее были проблемы со здоровьем, она осталась старой девой. Мария Владимировна была женщиной очень строгой, очень

строго воспитывала своих дочерей. Например, бабушка должна была сама застилать... Это рассказ бабушки, я думаю, что это касалось всех трех дочерей, но бабушка рассказывала так. Вот она должна была утром встать, помолиться, потом застелить свою кровать. Если она видела какой-то бугорок, какую-то складку на этом пикейном одеяле, которое сверху застиралось, то она это все швыряла на пол и заставляла девочку перестилать эту постель.

Судьбы сестер Дубасовых

У них была гувернантка, немка. Значит, три сестры, и гувернантка одна на всех. Сестра старшая — Надежда Николаевна, Людмила Николаевна — средняя, Вера Николаевна — это наша бабушка. Надежда Николаевна была старшая. Она как-то не касалась этих двух. Она уже стала студенткой медицинского факультета Московского университета. Она была замечательным врачом. С очень несчастной судьбой: она очень неудачно вышла замуж. Жила она в Саратове со своим мужем. Муж ей изменял. У нее было трое детей, потом муж куда-то исчез, то ли умер, то ли что, не помню. Муж в 14-м году был на фронте как военный врач. Она была на холере, в бараках холерных ходила, лечила людей. Бабушка рассказывала, что когда она обходила больных по городу, то она, если попадала в дом, где был больной с каким-то заразным инфекционным заболеванием, приходила домой, меняла одежду и протирала сулемой то, что у нее соприкасалось. То есть была на редкость правильный врач. Замечательный диагност она была.

Тут тоже смешная история была. У нее трое детей. Вот как раз тот Шура, который хотел на маме жениться, старший. Гурьяновы они были. Потом был Андрей Гурьянов и Татьяна. Вот как-то Татьяна спала с открытым ротиком, а Андрей, ее брат, пописал туда (*смеются*). Ну, дети совсем маленькие были. Таня с воплями проснулась, а тетя Надя, она немножко картавила, говорит: «Танька, дура, — я не могу так подражать ей, — моча стерильна». Вот такая семейная гурьяновская история.

Самое ужасное, что тетя Надя была наркоманкой, потому что муж ее приучил к морфию, морфинистка она была. Она страдала этим, но была прекрасным человеком, умерла она в Саратове, конечно, в нищете. В общем, плохо ей было жить на свете.

Тетя Люся — это средняя сестра. Она вышла замуж за военного, который ходил мимо их дома и видел ее через забор. Он был в каком-то не очень большом чине, но дослужился до генерала в царское время. Сейчас вспомню, как его звали. Алексей Ульянович Иванов⁸. Они жили в Спасских казармах, это где Садовая-Спасская. Спасские казармы до сих пор существуют. У них была огромная квартира. Он был командир полка, покровителем которого (специальное есть слово, я сейчас его не могу подобрать) был великий князь Михаил Александрович, которого потом большевики в Алапаевске⁹ убили. Есть фотография, где как раз великий князь, он был очень большого роста, и Алексей Ульянович как командир полка где-то близко от него, а он небольшого роста был, в общем, тут такая диспропорция.

⁸ В интернете есть информация о генерале Алексее Юлиановиче Иванове.

⁹ Великий князь Михаил Александрович был убит 13 июня 1918 года близ Перми.

Генерал Алексей Юлианович Иванов

Жили они там прекрасно. У них было трое детей. Жили они в Спасских казармах, там был огромный зал, куда приезжала бабушка, еще незамужняя, и она там пела. Там была замечательная акустика, потому что двусветный зал. Двусветный — два ряда окон, нижний и верхний. Бабушка наша прекрасно пела.

Тетя Люся все время обижала бабушку, когда они росли. Их гувернантка очень любила бабушку и не любила Люсю. И бабушка всегда угощала, или какие-то были у бабушки гостинцы, которые ей давала ее бабушка, бабушкина бабушка. Это мать ее мамы, ослепшая, тоже целая история. И тетя Люся говорила: «Вера, давай играть с тобой в гости. Давай, что у тебя есть? Я буду гостья, а ты, значит, хозяйка». Вот бабушка вынимала свои запасы, какие-то лакомства, раскладывала на столе, чашечки были детские. Вот они чай пили понарошку, тетя Люся все съедала и говорила: «Ну, ладно, я пошла». — «Люся, как же, а поиграть?» — «Ну, как, все, уже игра кончена, я ухожу. Гости же уходят всегда». Вот такая была тетя Люся.

Есть фотография, где сняты три сестры: тетя Надя, потом Люся сидит чуть выше, они немножко лесенкой, а совсем низко — бабушка. И бабушка такая несчастная, потому что тетя Люся, как мне бабушка объяснила, ее пинает все время ногой в спину.

Надя, Люся и Вера Дубасовы. Москва, 1890-е гг.

Когда умер отец этих сестер, Николай Васильевич, то им досталось наследство. Дом на Пименовской достался тете Наде. Дом в имении достался тете Люсе. Бабушке достался лес. Лес был хороший. Когда еще Николай Васильевич был жив, к нему приводили порубщика, ну, крестьянина, который срубил. Николай Васильевич говорит: «Ну, что ж ты, Иван Петров, что ты у меня срубил березку? У тебя же свой лес есть». — «А моя березка может еще и подрости». Вот такие были отношения. Когда начался 5-й год, когда начали уже поджигать усадьбы помещиков, красного петуха пускать, то крестьяне приходили и говорили: «Николай Васильевич, мы тебя в обиду не дадим, мы за тебя заступимся, мы не позволим, чтобы какие-то архаровцы тебя обижали».

Когда наступила революция, дом был, наверное, сожжен все-таки, склеп семейный был разорен, они там искали драгоценности. Но долго была связь с этим местом, потому что внучка священника их прихода... Я даже с ней вместе работала в типографии одно время, с Люсей этой, вот как все бывает интересно. Ее мать помнила этих сестер трех. В общем, вот такие бывают странные совпадения. Не знаю, жива ли она сейчас, надо позвонить, узнать про эту Люсю. Так вот они и жили.

Значит, средняя сестра генеральша. Алексей Ульянович участник войны 14-го года, фронтовой генерал. Он пишет каждый день, нумерует открытки жене, обожал свою жену и троих своих деток. Остался жив, не ранен, вернулся. Революция. После революции Троцкий, человек, наверное, большого ума все-таки, решает, когда организует Красную армию, что все-таки без спецов, то есть старых военных царских, ему не обойтись. Он приглашает этих спецов, в числе которых оказался Алексей Ульянович Иванов, бывший генерал, но который не участвовал в Гражданской войне, потому что он опекал свою семью. Для него Люсенька и его детки — это было самое важное в жизни. Хотя долг свой он выполнил во время войны 14-го года, конечно.

Тут он, значит, стал красным генералом. Уже они не жили, конечно, в Спасских казармах, уже они жили на Ленинградском шоссе в доме, который когда-то принадлежал владельцу бегов, в том районе как раз эти бега. Им принадлежала там квартира. Когда он умер, их сразу выгнали, всю семью тети Люсину. Это уже было после 25-го года.

Теперь что еще? Не могу сообразить, о чем еще говорить. Да, про генерала продолжим. Он становится инспектором войск Московского и Ленинградского военных округов, или Петроградского еще, не знаю, потому что в 22-м году его уже не стало. Он поехал инспектировать где-то войска, заболел тифом и умер в 22-м году, слава Богу. Прости Господи, потому что иначе его в свое время расстреляли бы благополучно, товарищ Сталин.

Их, конечно, выгнали из этого особняка, из этой квартиры. Где они жили? Тетя Люся стала строить за деньги. От застройщика строился кооператив жилищный в Гороховском переулке, на территории завода оптических приборов. И маме, которая жила у них в квартире, когда приехала в Москву поступать на эти курсы, тоже негде было жить, даже у тетки уже нельзя было жить. И маме рядом, в этой же квартире, где у тетки была комната, построили комнату, — бабушка дала денег. Была у мамы комната в Гороховском переулке, дом 24, кажется, в книжке все есть. И она жила в этом кооперативе, когда познакомилась с папой. И папа туда приехал. У него было одеяло голубое ватное, стеганное, подушка и связка книжек. Так началась их совместная жизнь. Финита.

Е. Г.: Остановимся, наверное.

М. Т.: Да.